

П.М. Сакович

**Действия Суворова в Турции
в 1773 году**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.М. Сакович**
Действия Суворова в Турции в 1773 году / П.М. Сакович – М.: Книга по Тре-
бованию, 2015. – 101 с.

ISBN 978-5-458-05649-6

Автор пишет книгу, руководствуясь долгом «изучать отечественную историю... и иметь возможность знакомить своих соотечественников со славными событиями и великими мужами минувшей жизни России» Исследование опирается на материалы, найденные при разборе архива Военно-походной канцелярии графа Румянцева-Задунайского. Автор представляет в истинном виде и подробностях экспедицию А. В. Суворова на г. Туртукай, объясняет причины и цели действий полководца, а также их связь с общим ходом военных действий на нижнем и верхнем Дунае. Издание включает карту «План действий Суворова в первый поиск его на Туртукай».

ISBN 978-5-458-05649-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

воровъ живо сохранены и съ благоговѣніемъ передаются потомству.—Онъ жилъ въ славное время Екатерининскаго вѣка, когда въ сотрудикахъ, содѣйствовавшихъ мудрой Государынѣ на поприщѣ къ величію и славѣ Россіи, не бывало недочета. Имена ихъ сливаются со всемірною Исторіею; но плоды трудовъ и дѣятельности ихъ принадлежатъ намъ, упрочили благо отечеству: нашу народную славу. Какъ представители Русской силы и Русскаго Генія, какъ орудія самодержавія, какъ виновники развитія могущества и рзширенія предѣловъ Государства, они живутъ въ памяти признательнаго потомства. — Румянцевы, Потемкины, Рѣпнины, Орловы, Бецкіе, Суворовы, на разныхъ путяхъ служенія Престолу и отечеству, оставили намъ въ завѣтъ, образецъ высокихъ гражданскихъ и военныхъ добродѣтелей, и какъ Русскіе, пробудили въ насъ сознаніе силъ и достоинствъ предъ иноплемениками.

Долгъ исторіи — оцѣнить сторону Государственной дѣятельности каждаго изъ сотрудиновъ Великой Государыни; долгъ каждаго Русскаго — изучать отечественную исторію, и счастливъ тотъ, кто имѣетъ возможность знакомить своихъ соотечественниковъ съ славными событіями и великими мужами минувшей жизни Россіи.

Вотъ идея которая руководила при составленіи предлагаемой статьи; побужденіемъ же къ составленію было желаніе, по найденнымъ, при разборѣ Архива Военно-Походной Канцеляріи Графа Румянцева-Задунайскаго, матеріаламъ, представить въ истинномъ видѣ и въ подробности экспедиціи Александра Васильевича Суворова на городъ Туртукай въ 1773 году.

Но прежде нежели перейдемъ къ настоящему предмету нашихъ изслѣдованій не можемъ не высказать здѣсь нѣ-

которыхъ мыслей о Суворовѣ.—Личность, образъ жизни, характеръ, самыя странности этого великаго человека намъ болѣе или менѣе извѣстны изъ его біографіи; но многое ли мы знаемъ объ отношеніяхъ Суворова къ обществу, о его вліяніи на современниковъ, объ идеяхъ занятыхъ имъ въ своемъ времени, развитыхъ плодами собственнаго ума и наблюдательности и переданныхъ потомству. Изслѣдованъ ли и представленъ въ настоящемъ свѣтѣ этотъ Геній по его вліянію на окружавшихъ, на войска и на народъ, отъ котораго онъ не отрывалъ себя ни на одинъ мигъ во всю свою жизнь? Объяснены ли, должнымъ образомъ, его странности, неимѣвшія другой цѣли, какъ учить Русской народъ и порицать то, что къ нашему быту привито было иноземцами и подражательностію? Печислены ли заслуги Суворова, какъ стража нашей національности, бросающаго обильныя сѣмена для послѣдовавшей вскорѣ послѣ него реакціи въ образѣ жизни, идеяхъ, нравахъ и воспитаніи нашего высшаго общества? Мы знаемъ, какъ высказывалъ онъ въ лицо горькія истины, видимъ его мистификацію въ обращеніи, но разъяснилъ ли намъ хотя одинъ Біографъ—отъ какихъ причинъ и обстоятельствъ характеръ и личность Суворова вылились въ особую форму, казавшуюся комическою для однихъ, назидательною для другихъ и загадочною для насъ?

Явленіе Суворова навсегда останется проблемою, если не согласится съ тѣмъ, что онъ дѣйствовалъ, какъ орудіе промысла, для блага общаго, для пользы отечества.—Самъ онъ, заключая свое земное странствованіе, сказалъ: «семьдесятъ лѣтъ гонялся я за славою — все мечта; покой души—у престола Всевышняго».

Вѣкъ Екатерины, вѣкъ великихъ людей; но Суворовъ, колоссальностію своего имени и народностію, выше всѣхъ своихъ современниковъ, хотя заслуги Потемкина, Румянцева и другихъ, матеріальными результатами, принесли государству несравненно болѣе пользы, нежели подвиги Суворова. Въ самомъ дѣлѣ, одинъ приморьеваваетъ цѣлый край къ Россіи; другой, окончивая войну, передаетъ судьбу Турціи въ руки Россіи. Суворовъ, хотя и участникъ всѣхъ важнѣйшихъ событій царствованія Екатерины II, почти не былъ ни разу поставленъ въ положеніе подобное другимъ. — Его войны въ Польшѣ, Турціи, Италіи и Швейцаріи сопровождались ничтожными матеріальными выгодами. Не смотря однако на то, предъ именемъ Суворова меркнутъ остальные знаменитости вѣка Екатерины; оно хранимо народомъ; имена прочихъ только внесены въ исторію!

Приобрѣтеніе любви народной, составляя отличіе Суворова отъ другихъ его современниковъ, не такъ было легко, какъ можетъ показаться съ перваго разу. — Путь избранный имъ мало представлялъ завлекательнаго, и потому никто не вызвался на соперничество съ Суворовымъ. Надобно было имѣть твердость характера и силу воли его, что бы, вступивъ на оный, пройти до конца, презирая богатство, роскошь, лесть и весь блескъ наружнаго величія вельможи. — Суворовъ отразилъ въ себѣ всѣ добрыя качества нашего народа и снискалъ признательность въ сердцѣ Русскаго челоуѣка, въ то время, какъ другіе, окруживъ себя иною средою, остались или вовсе неузнанными, или мало извѣстными.

Понимать Суворова, какъ стража нашей народности—

и утѣшительно—и справедливо! Къ убѣжденію въ этомъ придетъ каждый; для этого стоитъ только вникнуть въ духъ того времени, нравы и послѣдовавшую за тѣмъ реакцію въ быту нашего высшаго общества.—Революція уже была въ полномъ разгарѣ.—Волкакъ ея извергъ сто - тысячныя арміи въ Европу.—Наблюдательные умы современниковъ столь сильно были пораженѣны всеми сценами революціи, что ничего не могли сказать опредѣлительнаго объ историческомъ смыслѣ и послѣдствіяхъ ея. Такъ, Гиббоунъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Е. Р. Дашковой, говоритъ: «революція небывалое событіе въ исторіи, и при всѣхъ усиліяхъ мысли нельзя опредѣлить—чѣмъ она кончится» Такъ судили въ Европѣ, и таково было мнѣніе Екатерины II. Послушаемъ теперь современника этой эпохи С. П. Глинки, адъютанта князя Ю. В. Долгорукова. Въ Москвѣ, говоритъ онъ, все предавалось разсѣянности, и о томъ, что происходило въ Европѣ, едва знали по наслышкѣ; въ домѣ князя Долгорукова никогда и никто не слышалъ имени того, который 15 лѣтъ спустя ввелъ въ нашу столицу 20 народовъ.—Наполеонъ озабочивалъ одного Суворова, не разъ говорившаго Императрицѣ: «Матушка—пусти меня противъ Французовъ». Далѣе, не менѣе надобно удивляться и тому, въ какомъ глубокомъ усыпленіи была у нѣкоторыхъ, въ то время, любовь къ отечественной исторіи.—Едва вѣрится разсказу того же лица, когда, по увольненіи отъ службы князя Долгорукова, Глинка отправился въ свой баталіонъ, стоявшій лагеремъ въ Петербургѣ.—Тамъ онъ нашелъ въ офицерахъ людей умныхъ и образованныхъ; но объ Суворовѣ они едва знали, и въ лагерѣ имя Героя Италійскаго безмолвствовало!....

Суворовъ, въ своей жизни, неспыталъ ту же участь, которая суждена въ удѣлъ многимъ великимъ людямъ. Его безъ разбора попустили невѣждою, счастливецемъ, Аттилою... Люди, порицавшіе его имя такъ немилосердно, не замѣтили сами, что они этимъ отдали должную похвалу уму и дѣяніямъ нашего полководца. — Они раздирали имя Суворова, потому только, что сужденіями ихъ руководило не безпристрастіе исторіи, а злоба раздраженнаго общества. Суворовъ въ первый разъ явился на военномъ поприщѣ, въ званіи уже самостоятельнаго начальника, въ Конфедератскую войну, среди края взволнованнаго политическимъ бредомъ, въ обществѣ, раздѣленномъ на партіи, терзавшемъ другъ друга и ненавидѣвшемъ имя Русское. Тамъ онъ конечно, какъ непріятель, и какъ Русскій человекъ, съ умомъ здравымъ, съ правилами твердыми и вѣрными, шелъ прямо къ указанной ему цѣли, опрокидывая и стирая съ лица земли все, что думало противиться и обсаривать у него первенство Русскаго оружія. — Самый образъ дѣйствій Суворова противъ Конфедератовъ оскорблялъ ихъ самолюбіе; имъ казалось, что онъ, изъ презрѣнія къ ихъ войскамъ, не хотѣлъ даже слѣдовать обыкновеннымъ правиламъ тогдашней тактики (*).

Съ театра войны въ Польшѣ Суворовъ перешелъ на берега Дуная; тамъ онъ могъ встрѣтить достойнаго

(*). Кому не случилось слышать сужденіе нѣкоторыхъ Поляковъ о Суворовѣ, перешедшее въ преданіе. Говоря о немъ, они выражались, что Суворовъ не имѣлъ понятія о войнѣ, ему бы только драться съ медвѣдями. — Бывало займешь позицію, идешь Русскихъ съ фронта, а онъ бросается на насъ либо съ тылу, либо во флангъ; мы разбѣгались болѣе отъ страха и визанности, нежели отъ пораженія

себѣ соперника въ Вейсманѣ. Но судьба расположила жребіемъ ихъ различно: на чемъ одинъ остановился, съ того другой началъ. Оба одинаково проникательные, равно отважные и непобѣдимые, справедливо судили, что моральное превосходство дисциплинированныхъ войскъ должно было доставить имъ перевѣсъ надъ нестройными толпами, и что отступленіе, составляющее труднѣйшій маневръ для Европейской арміи, должно быть гибельно для Турецкихъ массъ, по недостатку правильности въ ихъ движеніяхъ. Переходъ отъ подобнаго сужденія къ заключенію, что атака есть лучшій образъ дѣйствій противъ Турокъ, не былъ труденъ для Суворова. И дѣйствительно, съ перваго дѣла подъ Туртукаемъ, въ обѣ Турецкія войны, Суворовъ постоянно дѣйствовалъ наступательно.

Въ продолженіе кампаній 1773 и 1774 годовъ, Суворовъ не упускалъ случая обнаружить свои военныя способности и искусство, но не смотря на то, недавнее прибытіе къ арміи и молодость его службы, сравнительно съ другими генералами Румянцевской арміи, немалымъ были ему препятствіемъ къ отличіямъ. Но тѣ дѣйствія Суворова, которыя поставили имя его столь высоко въ общемъ мнѣніи Россіи и всей Европы, а именно сраженія при Фокшанахъ и Рымникѣ и взятіе Измаила, — принадлежатъ ко второй войнѣ съ Турціею, съ 1787 до 1791 года.

Въ 1794 году, Суворовъ, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, покорилъ Польшу. Имя Суворова произносилось въ Западной Европѣ едва не съ крестнымъ знаменіемъ.

Отдавши справедливость тѣмъ иноземцамъ, сужденія которыхъ объ Александрѣ Васильевичѣ отличаются безпристрастіемъ и вѣрностію, назовемъ его съ гордо-

стію великимъ челоѣкомъ , честию націи , ревностнѣйшимъ поборникомъ славы имени Русскаго; прибавимъ: что и въ послѣднія минуты угасающей жизни, мысли его обращены были къ любезному отечеству. Изучивъ тщательно тогдашнее состояніе нашего общества, и привившійся къ намъ чуждый бытъ со всѣми его пороками и пагубными началами, Суворовъ, сходя въ могилу, скорбѣлъ душею; онъ думалъ, что Россія уклонится со стези своего призванія, не достигнувъ полного развитія силъ и того могущества, которое для нее въ будущности назначено Промысломъ.

Нужно ли говорить о Суворовѣ, какъ о полководцѣ? Вопросъ этотъ уже давно рѣшенъ Исторіею и знатоками военного дѣла! Кто ни разу не былъ побѣжденъ на столь разнообразныхъ театрахъ войны, — кто могъ торжествовать надъ столькими искусными противниками, находя всѣ средства къ тому въ самомъ себѣ, тому, безъ сомнѣнія, судъ потомства не смѣетъ отказать въ званіи великаго полководца.

Заслуги Суворова, какъ пріямѣрнаго сына Россіи и полководца, составляютъ едвали только не половину его обширной тридцати двухъ лѣтней дѣятельности. Другая половина служебнаго его поприща, къ сожалѣнію, еще весьма мало изслѣдованная, должна обнять систему командованія Арміею, духъ военныхъ учрежденій, характеръ быта войскъ, воинскую дисциплину, и проч: которые Суворовымъ были преобразованы въ самомъ ихъ основаніи.

Причина — почему онъ еще не оцѣненъ надлежащимъ образомъ, со стороны административной, заключается въ томъ, что до насъ дошли лишь немногіе документы, относящіеся до управленія и командованія

имъ арміями. Въ то время, многія части военнаго управленія не имѣли такого полнаго развитія въ законахъ какъ нынѣ; многое было въ исполненіи, но не существовало въ законѣ. Графъ Румянцевъ, имѣвшій случай, въ Семилѣтнюю войну, изучить многое, едва ли не первый началъ вводить опредѣлительныя уставы, и заботиться объ однообразіи въ обученіи войскъ и отправленіи ими обязанностей Полевой и Гарнизонной службы. Подтверженіемъ тому служить могутъ найденныя, при разборѣ архива его военно-походной канцеляріи, нѣкоторые отрывки устава о лагерной службѣ, разосланные отъ него въ Армію, и предписанія начальникамъ дивизій объ однообразіи обученія и экзерциціи. Можетъ быть, со временемъ, когда откроются гдѣ нибудь архивы дѣламъ за время командованія войсками княземъ Италійскимъ, мы приобрѣтемъ многія данныя, чтобы объяснить значеніе Суворова въ нашей военной администраціи, какъ преобразователя внутренняго быта и духа войскъ.

Преданіе сохранило для насъ тѣ немногія краткія правила тактики и уставовъ, которыя у Суворова читались войскамъ послѣ каждаго развода и ученья. По нимъ мы можемъ догадываться, что, въ то время, уже была твердая система полевого устава, но понять вполне механизмъ маневровъ и ученій Суворовскихъ войскъ—становится для насъ невозможнымъ. Самая сжатость изложенія правилъ и командъ дѣлаетъ ихъ невразумительными. Читая оныя, кажется слышитъ трескотню

* Сколько извѣстно, подобные архивы находятся еще не открытыми въ городѣ Дубно, въ тамошнемъ Католическомъ монастырѣ, и въ Ордонансгаузахъ городовъ Херсона и Кременчуга.

боя, видишь работу Суворовскаго чудо-богатыря, но все остальное для насъ темно—загадочно.

До какой степени многое измѣнилъ въ нашей Арміи Суворовъ, можемъ судить по сравненіямъ, и при этомъ, кто не согласится что Армія Русская и въ Италійскій походъ 1799 года подходила ближе, по свойствамъ ея, духу и тактикѣ, къ Арміи нашего времени, нежели къ Арміи Румянцева. Обращая вниманіе на кампаніи въ 1773-мъ и 1774 годахъ, видимъ, что тогдашнія движенія нашихъ арміи были большею частію медленны. За немногими исключеніями, какъ напримѣръ дѣйствій Генераль-Маіора Вейсмана, войска наши дѣлали переходы иногда не болѣе 8-ми верстъ въ сутки; приказанія Главнокомандующаго приводились въ исполненіе вяло и не всегда точно примѣръ тому подастъ самъ Суворовъ въ 1774 году уклоняющійся отъ соединенія съ Каменскимъ, и уѣзжающій безъ позволенія съ своего поста, въ то время, когда ему приказано было дѣйствовать противъ непріятеля. Графъ Салтыковъ смѣло высказываетъ Румянцеву, что онъ не признаетъ никакой пользы въ дѣйствіяхъ на правой сторонѣ Дуная, и, не смотря на многократныя его приказанія, не переходитъ черезъ рѣку. Князь Долгоруковъ отказывается идти къ Шумль и возвращается за Дунай, также вопреки приказанію Главнокомандующаго. Подобныхъ примѣровъ не мало. Напротивъ того, Армія Суворова въ Италіи отличается примѣрною быстротою; распоряженія Главнокомандующаго исполняются повсюду точно и скоро. За арміею уже не тянутся ряды огромныхъ обозовъ, для уменьшенія которыхъ въ 1773 году, при переправѣ черезъ Дунай, Румянецвъ намѣренъ былъ подать при-

мѣръ надъ своими собственными экипажами. Больные у Суворова не ослабляютъ рядовъ, и болѣе боятся гошпиталя, нежели болѣзни и непріятели. Рекруты обучены скоро, сбережены въ силахъ, и въ бою не уступаютъ старымъ солдатамъ. При поискахъ Суворова на Туртукай, видно употребленіе стрѣлковъ и колоннъ, а потомъ можно безошибочно замѣтить, что примѣненіе рассыпнаго строя и колоннъ къ дѣйствіямъ войскъ есть дѣло соображеній и военнаго генія Суворова, а не изобрѣтательности Французской. Вообще въ Италіи Русскія войска дѣйствуютъ по Французской тактикѣ; но учить армію въ виду непріятели Суворовъ не могъ, и приготовилъ къ тому войска заблаговременно. Въ Швейцаріи Армія Суворова дѣйствовала какъ на давно знакомомъ театрѣ войны; твердость и настойчивость въ исполненіи распорядженій Главнокомандующаго (качества войскъ опытныхъ въ горной войнѣ), не только не были чужды Арміи Суворова, но превзошли ожиданія современниковъ и изумили Европу. Всего же болѣе замѣчательна для насъ должна быть дисциплина въ войскахъ Суворова. Уставъ Петра Великаго, сообразный духу своего времени, и долгое время имѣвшій силу закона въ нашихъ войскахъ, хотя и съ послабленіемъ, проникнуть всюду мыслию, что дисциплина, въ томъ смыслѣ какъ еѣ понимаемъ нынѣ, т. е. совокупное дѣйствіе военныхъ постановленій, приводящихъ каждаго къ покорности, порядку и исполненію обязанностей, должна быть водворяема и охраняема строгою системою наказаній. Суворовъ, наблюдая, чтобы каждый въ его арміи занималъ постъ по достоинству, съ пользою службѣ, преградилъ тѣмъ доступъ интригѣ и бездарности и открылъ честолюбію и усердію служащихъ просторъ до-